

Гу И ещё хотел схватить его, чтобы высказаться и излить душу, но тот смылся быстрее, чем масло на сковородке.

За окном Инь Фань, закинув за плечи рюкзак, подбежал к краю улицы, протянул мороженое тому человеку, а затем с лакейской услужливостью принял у него из рук ношу.

Тот человек, похоже, давно к этому привык, даже потрепал Инь Фаня по голове. Они стояли на углу улицы плечом к плечу и вместе ели мороженое.

Со стороны это выглядело донельзя интимно и двусмысленно — точь-в-точь как парочка влюбленных.

Гу И ни капли не интересовали сердечные дела соседа по комнате, он думал лишь о том, что Цзянь Сэнь никогда не вёл себя подобным образом, отчего в груди вновь защемило от глухой боли.

Тот человек никогда не любил, когда он лезет не в своё дело, и ничего не позволял ему делать для себя, они даже толком не ходили на свидания.

Возлюбленный прекрасно справлялся со всем в одиночку — казалось, он вообще не нуждался в Гу И.

Размышляя об этом, Гу И горько пожалел, что поссорился с Цзянь Сэнем в тот день. Если бы он тогда проявил больше выдержки, всё бы не зашло так далеко.

— Звонок, звонок, звонок! —

Внезапно раздавшийся телефонный звонок оборвал ход мыслей. На экране высветилось имя Цзянь Сэня.

Гу И замер на мгновение и тут же принял вызов.

Из динамика донёсся голос Цзянь Сэня — холодный, лишённый всяких эмоций:

— Я уже перевёл деньги на твой счёт, и от ребёнка я тоже избавился.

На том конце провода на секунду замолчали, а затем добавили:

— Больше мы не созвонимся и не увидимся.

Но стоило Гу И раскрыть рот, как Цзянь Сэнь бросил трубку.

Доктор Чу цокнул языком:

— А молодой господин Цзянь мастерски умеет отыгрывать роли.

Перед операцией этот человек на каждом углу голосил, что ни о чём не жалеет, а стоило оказаться на операционном столе — тут же попытался сбежать. И вот теперь он напрочь отрекается от связи с другим отцом куска мяса, что плескался у него в животе.

Цзянь Сэнь искоса глянул на него и пригрозил:

— Смотри мне, если об этом узнает мой отец, тебе не сдобровать.

— Ладно-ладно, в любом случае побереги себя, а если что понадобится — обращайся, — доктор Чу поковырялся в ухе и вышел принимать следующего пациента.

Как только врач ушёл, снова позвонил Гу И.

Стоило вызову соединиться, как тот выпалил:

— Ты правда решил порвать со мной? — в его голосе звучали нотки испуга и полного неверия.

Цзянь Сэнь усмехнулся и парировал:

— А разве у нас вообще было с чего начинать?

— Что я сделал не так?! Ты вечно всё держишь в себе, а теперь вот так сходу решил меня бросить?

Брови Цзянь Сэня слегка сошлись на переносице, он молча отмёл этот упрёк.

Внезапно Гу И сменил тон:

— И не мечтай, ни за что от меня не отделаешься!

У этого малолетки характер — сплошное наказание! Сам же затеял расставание, а теперь пытается сделать его крайним!

Цзянь Сэнь поджал губы и попросту оборвал звонок.

Когда люди сходятся, будь то шутки ради или по настоящей любви, первому чувства ни к чему, а второй не терпит сомнений.

Он питал чувства к Гу И, а потому не мог выносить его подозрительности.

Дверь палаты отворилась, и во внутрь вошёл худощавый молодой человек в сестринском халате.

Цай Хуань с папкой для записей и градусником в руках направился к нему:

— Господин Цзянь, вы сегодня оформляете выписку?

Цзянь Сэнь кивнул, с минуту разглядывал его, а затем внезапно произнёс:

— Поехали со мной домой.

Цай Хуань опешил, термометр чуть не выскользнул у него из пальцев, а на лице проступило смущение.

— А?

— Поедешь со мной, и тогда меня выпишут.

Цай Хуань растерялся:

— Я всего лишь стажёр, у меня ещё мало опыта.

— Я уже обо всём договорился с главврачом, — Цзянь Сэнь хлопнул его по плечу и указал на собственный живот: — Вся надежда на этого ребёнка.

Врачи предупреждали, что ему вредно перенапрягаться, но дела не ждали, поэтому пришлось прихватить домой первого попавшегося медбрата на случай непредвиденных осложнений.

Цай Хуань с первого взгляда производил впечатление человека, не умеющего отказывать, и после пары уговоров согласно кивнул.

Завершив процедуры по выписке, Цзянь Сэнь отправил батюшке весточку в WeChat, велел Цай Хуаню подписать контракт и усадил его в машину.

— У тебя есть права? — спохватился Цзянь Сэнь, уже устроившись за рулём.

Цай Хуань помотал головой.

— Тогда позову водителя.

Сейчас Цзянь Сэнь трясся над своим животом, как курица-наседка над яйцом, до смерти боясь любого неверного движения.

— Кстати, во избежание всяких непредвиденных ситуаций тебе придётся пожить у меня дома,
— пояснил Цзянь Сэнь, велев парню предупредить родных, чтобы те не волновались.

Цай Хуань неуверенно протянул «оу», выглядя при этом изнеженным и простодушным.

Цзянь Сэнь не удержался и снова бросил на него взгляд.

Интеллигентная, утончённая внешность, чистый нрав — казалось, от одного лишь взгляда на него очищаются все душевные скверны.

Невольно сравнив его с Гу И, Цзянь Сэнь потёр переносицу и тяжело вздохнул.

Сразу было видно, что этого парня всю жизнь чрезмерно опекали — сущий цветок из теплицы, в подмётки не годившийся Гу И.

По прибытии водителя они направились в особняк.

Едва машина въехала во двор, Цзянь Сэнь заметил у крыльца Гу И, из-за чего его рука на ручке двери невольно дрогнула.

Гу И поджидал его, намереваясь объясниться лицом к лицу, и, завидев знакомый автомобиль, тут же направился навстречу.

Но стоило Цзянь Сэню выйти из салона, как Гу И разглядел через открытую дверь незнакомого парня — его лицо вмиг почернело.

— Только что бросил меня, а уже завёл новенького?

Цзянь Сэнь при виде этого скривился.

Гу И помрачнел пуще прежнего:

— Я ещё не давал согласия на расставание, а ты уже вешаешь мне рога.

Цзянь Сэнь нахмурился:

— Натешился — и топай обратно.

Больше всего на свете Гу И ненавидел это его ледяное отношение, отчего в нём вскипела ярость:

— А если бы я не бесновался, ты бы вообще обратил на меня внимание?!

Обратил бы твоей мамаше в дымоход!

Когда Цзянь Сэнь недавно ездил в командировку, этот тип точно так же выносил ему мозг. Вымотал все нервы так, что он несколько дней подряд совершал ошибки на работе.

И этот наглец еще смеет задавать ему подобные вопросы!

Вспыхнув от гнева, он с мрачным лицом вытянул Цай Хуаня вперёд себя:

— Да, это мой новый парень! Он послушный, мягкий и во всём меня слушается!

Самолюбие Гу И было жестоко задето: — Чем я хуже него?!

— Да во всём хуже!

Они тут же принялись препираться, словно малые дети.

Опасаясь, как бы от сильного волнения у Цзянь Сэня не начались преждевременные схватки, Цай Хуань испуганно переводил взгляд с одного на другого и робко подал голос:

— Господин Цзянь, вы же...

Оба переругивающихся в один голос рявкнули: — Заткнись!

Цай Хуань: —

Подобная отповедь слегка отрезвила Гу И.

Он провёл ладонью по волосам, откинув чёлку назад, глубоко вздохнул, укрощая гнев, после чего снова придирчиво оглядел Цай Хуаня, нахмутив брови.

Этот парень казался ему до боли знакомым, но в памяти не всплывал.

Не успел Гу И додумать мысль, как Цзянь Сэнь оттолкнул его и с ледяным видом принялся выпроваживать:

— Убирайся, не загораживай проход к моему дому, а не то я позову охрану.

В этот момент молодой господин Цзянь совсем растерял свою привычную начальственную важность: его щёки покраснелись и раздулись — вылитый ребёнок, устроивший капризную истерику.

Гу И, хоть и злился на воображаемые рога, от этого сердитого детского выражения лица вдруг снова растаял.

Уголки его губ изогнулись в ухмылке, и он нахально прислонился плечом к косяку:

— А вот и не уйду. И что ты мне сделаешь?

Эдак и кролик от безысходности укусит!

Цзянь Сэню казалось, что сегодня его нервы были на пределе. Скользя взглядом по стоящей у входа метле, он без колебаний схватил её и огрел Гу И!

Даже Гу И не ожидал, что вечно солидный и сдержанный молодой господин Цзянь вздумает лупить его прямо у порога собственного дома, и едва успел подпрыгнуть, уворачиваясь от удара по ногам.

— Черт! Убить меня хочешь?!

— Я слишком долго тебя терпел!

И это была чистая правда.

С самого начала их бурного романа Гу И то и дело донимал его подозрениями и сценами ревности, трепля ему нервы до полного истощения сил.

При этом этот несносный мальчишка вечно упрямо требовал каких-то нелепых клятв и союзов.

Они же не детсадовцы, чтобы мизинцами мириться! Они строили серьёзные отношения, так почему же тот отказывался выказать хоть капельку доверия?

То ли из-за капризов гормонов в период беременности, то ли от обиды, но, начав с остервенением колотить парня метлой, Цзянь Сэнь вдруг почувствовал подступающую к горлу горечь, и удары его постепенно ослабли.

Гу И, уворачиваясь от метелки и пытаясь перехватить древко, вдруг заметил, как у вечно гордого и недостигаемого Цзянь Сэня покраснели глаза. Сердце у него ёкнуло, и в этот момент он пропустил удар по ноге.

Боль была чисто символической, скорее напоминавшей лёгкое щекотание.

Он тут же уgomонился и с опаской заглянул в лицо возлюбленного:

— Молодой господин Цзянь?

Поняв, как нелепо выглядит, Цзянь Сэнь слабо пихнул его кончиком метлы в голень: — Проваливай, и не смей так меня называть!

Гу И не раздумывая заключил его в объятия, крепко прижав к себе, и вплотную припал к уху:

— Сэнь-гэ.

Нарочито пониженный хриплый шёпот прозвучал так интимно, словно дыхание обожгло кожу, заставив по телу пробежать стаю мурашек.

Кончики ушей Цзянь Сэня на глазах побагровели, и весь его боевой пыл вмиг улетучился.

— Сэнь-гэ, не сердись.

Прижимая Цзянь Сэня к себе, Гу И источал сладкие речи, но при этом свирепым взглядом сверлил стоявшего за спиной Цай Хуаня.

Будь взгляды смертоносны, от бедного Цай Хуаня уже давно ничего бы не осталось.

Тот чувствовал себя виноватым и несчастным: уйти нельзя, оставаться — страшный грех, и он совершенно не представлял, куда себя деть.

Мрачный Цзянь Сэнь слегка отбрил Гу И метлой, впрочем, не слишком больно.

А Гу И, которому палка была нипочём, продолжал ластиться и умиротворять:

— Сэнь-гэ, ну не дуйся, я обещаю, что отныне буду паинькой.

Лучше бы он молчания хранил! От этих слов Цзянь Сэнь взбесился ещё сильнее.

Сколько раз этот паршивец давал подобные обещания? И стоило делам занять всё его время, как вновь начинались беспочвенные подозрения и вынос мозга!

Он резко оттолкнул Гу И и от души врезал ему метлой по спине:

— Когда это ты был послушным? Только и умеешь, что кровь мне портить!

Гу И запрыгал козликом под ударами, но сообразил, что впадать в праведный гнев сейчас чревато, и благоразумно прикусил язык.

Выпустив пар и забросив метлу, Цзянь Сэнь приказал ошоломевшему Цай Хуаню следовать в дом.

Конечно же, Гу И стерпеть этого не мог. Преградив путь водителю, он ткнул пальцем в сторону Цай Хуаня:

— Я сам о нём позабочусь, а ты отвези этого обратно.

Водитель опешил: — Куда отвезти?

Гу И злобно бросил: — Туда, откуда привезли.

Цзянь Сэнь снова схватился за метлу, угрожающе замахиваясь.

— Ладно-ладно, Сэнь-гэ, виноват! — Гу И поспешно выхватил у него оружие возмездия, мысленно чертыхаясь и вновь бросив свирепый взгляд на Цай Хуаня.

Тому оставалось лишь проглатывать горькие пилюли — возразить он не смел.

В конце концов Цай Хуань всё же остался в доме.

Пока экономка провожала парня в отведённую ему комнату, Цзянь Сэнь скрылся в спальне. Но стоило ему прикрыть дверь, как в образовавшийся зазор вклинилась нога Гу И.

Цзянь Сэнь замер и исподлобья уставился на него:

— Прочь.

Гу И расплылся в наглой улыбке: — Сэнь-гэ, не надо так... ой! —

Его вопль внезапно сорвался на фальцет, когда Цзянь Сэнь с силой захлопнул дверь.

Преодолевая боль, Гу И продолжал упорствовать.

Если бы Цзянь Сэнь проявил чуть больше твёрдости, тот бы не прорвался, но в этот момент у него снова подступила тошнота, и от внезапной слабости он ослабил хватку, позволив Гу И протиснуться внутрь.

Цзянь Сэню было не до того: зажав рот рукой, он бросился в туалет.

Из-за утренней подготовки к процедурам он весь день ничего не ел, желудок был пуст, и его выворачивало одной лишь жёлчной кислотой.

Токсикоз мучил его особенно сильно: после приступа лицо побелело как мел, в горле саднило от кислоты и жжения, а внизу живота тянуло тупой болью.

Гу И, оставшийся по ту сторону закрытой двери туалета, слышал звуки рвоты и заволновался, забарабанив по филёнке:

— Сэнь-гэ? Сэнь-гэ, что с тобой? Открой!

Если бы Гу И узнал, что ребёнок всё ещё при нём после всех заверений об обратном, куда бы он дел остатки своего лица?

С трудом поднявшись, он ополоснул лицо водой, убедился в зеркале, что не выглядит смертельно бледным, и только тогда отпер дверь.

— Сэнь-гэ, ты в порядке? — в голосе Гу И сквозила неподдельная тревога.

Совесть была нечиста, и Цзянь Сэнь, стараясь не смотреть на него, поспешил прошмыгнуть мимо.

Гу И нахмурился и перехватил его за запястье:

— Ты...

— Отпусти, не то выгоню из дома, — холодно пригрозил Цзянь Сэнь.

Но Гу И не разжал пальцев, сдвинув брови к переносице:

— Снова тошнило?

Цзянь Сэнь вздрогнул от неожиданности: неужто догадался?

— Раз случился выкидыш, надо как следует отдыхать, — рассудил по-своему Гу И, решив, что ребёнок действительно погиб, и от этого даже испытал некоторое облегчение.

В конце концов, врач предупреждал о возможных рисках, и пусть вероятность была мала, но для них двоих это был вопрос ста процентов.

Гу И вовсе не желал, чтобы Цзянь Сэнь пострадал.

Он виновато добавил: — Я мерзавец, и гробить здоровье из-за такого ублюдка не стоит.

Даже зарифмовалось. Цзянь Сэнь едва заметно усмехнулся.

Не успел он насладиться иронией, как его тело вдруг оторвало от пола — сильные руки подхватили его на руки. От неожиданности Цзянь Сэнь испуганно вскрикнул и крепко обхватил Гу И за шею, боясь рухнуть вниз.

Гу И отнёс его к кровати и, навалившись сверху, в упор уставился на него сверкающим взглядом.

В этом хищном взгляде читалось желание сожрать его живьём.

Цзянь Сэнь судорожно сглотнул, сердце в груди заколотилось птицей.

Гу И продолжал неотрывно смотреть на него, и глубина скрытых в его глазах чувств грозила захлестнуть с головой.

Когда чужая латеральная рука нежно огладила его живот, Цзянь Сэнь, словно ласковый котёнок, сладко прикрыл глаза, пока над ухом звучала тихая просьба:

— Сэнь-гэ, можно?

О чём это он?

Заниматься любовью на ранних сроках беременности — верный путь к выкидышу!

Гу И рассчитывал спросить, дозволено ли ему прекратить дуться и ссориться, но Цзянь Сэнь из-за рассеянности упустил суть, истолковал всё по-своему и пинком сбросил парня с кровати.

Быстро проверив, на месте ли ремень и пуговицы на брюках, Цзянь Сэнь с облегчением выдохнул, а затем окинул взглядом ошарашенного Гу И, распластавшегося на полу.

— Кто разрешал тебе лезть на мою постель? Хочешь жить здесь — спи в соседней комнате!

*

Утро понедельника.

После двух дней отдыха на Цзянь Сэня навалилась гора рабочих вопросов. Облачившись в деловой костюм и собравшись на выход, он обнаружил, что Гу И след простыл.

Цай Хуань сообщил, что тот ушёл ещё до рассвета.

Вспомнив, как за минувшие два дня Гу И при каждом удобном случае цеплялся к Цай Хуаню и зашугал бедного парня до того, что тот боялся поднять на него глаза, Цзянь Сэнь почувствовал, как у него начинает раскалываться голова.

Рассудив, что Гу И наверняка отправился в университет, он отпустил Цай Хуаня обратно в больницу, а сам стал ждать водителя, чтобы ехать в офис.

Переступив порог компании после нескольких дней отсутствия, Цзянь Сэнь даже ощутил лёгкую ностальгию.

Однако едва он дошёл до стойки администратора, как столкнулся нос к носу с Гу Яньхэ.

Старый хрыч при виде него тут же принялся язвить:

— Я уж думал сегодня навестить молодого господина Цзяня дома, а вы, оказывается, уже в строю.

Цзянь Сэнь молча проигнорировал его, мысленно закатив глаза так высоко, что едва не увидел затылок.

Этот старый прохвост только и ждал его кончины.

И если Гу Яньхэ смел вести себя столь нагло при высоком положении Цзянь Сэня в компании, то лишь потому, что пользовался неизменной поддержкой и благосклонностью старейшин совета директоров.

Вспоминая слова отца о том, что Гу Яньхэ метит на роль второй фигуры в корпорации, Цзянь Сэнь закипал от злости.

Чтобы забраться на нынешнюю ступень, этот старик в своё время не брезговал идти по головам.

И он не мог пожаловаться отцу — не скажет же он батюшке: «Твоего сына использовали как ступеньку для карьерного роста, да ещё и обманули его чувства»?

Цзянь Сэнь мог дать голову на отсечение, что стоило ему заикнуться об этом, как собственный отец первым же отходил его ремнём.

Заметив, что Цзянь Сэнь отмалчивается, Гу Яньхэ не смутился и продолжил с издёвкой:

— Когда молодой господин Цзянь соизволит подписать мой план?

Некоторые проекты в компании требовали визы Цзянь Сэня, и подготовленный Гу Яньхэ на прошлой неделе отчёт был задвинут им в долгий ящик намеренно. Если бы не утреннее напоминание, Цзянь Сэнь и вовсе забыл бы о нём.

Помня о наглости этого старика, Цзянь Сэнь хоть и не любил примешивать личное к работе, но и святым не был, чтобы терпеть унижения от собственного подчинённого.

Вернувшись в кабинет, он швырнул проект прямо в лицо Гу Яньхэ:

— Переделать.

Глаза Гу Яньхэ сузились: — Причина?

— Пустышка без единой капли реальной ценности.

— Тц.

Цзянь Сэнь приподнял бровь: — Что? У господина Гу есть возражения?

Пристально разглядывая его пару секунд, Гу Яньхэ вдруг усмехнулся:

— Цзянь Сэнь, со мной тягаться тебе ещё кишка тонка.

Устроившись на диване, Цзянь Сэнь невозмутимо парировал:

— По крайней мере, моё личико свежее и гладкое, в отличие от морщинистой физиономии господина Гу.

Поперхнувшись от такой отповеди, Гу Яньхэ молча развернулся и вылетел из кабинета, хлопнув дверью.

Вообще-то старик не был стар — в самом расцвете сил, сорокалетний мужчина, считавшийся едва ли не писанным красавцем в компании. Они с Гу И действительно походили как две капли воды — отцу и сыну словно одно лицо вылепили.

Просто Гу И был гораздо моложе, и по сравнению с отцом выглядел куда ярче, свежее и привлекательнее.

После ухода Гу Яньхэ в кабинете воцарилась тишина.

Вспомнив наказ Цай Хуаня, Цзянь Сэнь проглотил фолиевую кислоту с витаминами и отправился на еженедельное утреннее совещание.

На собрании Гу Яньхэ продолжал отпускать в его адрес колкости и шпильки.

Но утреннее совещание само по себе было лучшим снотворным для беременного Цзянь Сэня, которого одолевала непреодолимая дремота, поэтому ввязываться в перепалку он даже не собирался.

По окончании планёрки Гу Яньхэ перекрыл ему выход:

— Что это наш молодой господин сегодня не в духе? Неужели из-за моего Гу И?

В зале ещё оставались люди, и Цзянь Сэнь, поморщившись, холодно бросил:

— Что именно пытается сказать господин Гу?

Гу Яньхэ больше всего бесило это холодное отношение. Стоило вспомнить, как раньше тот ласково звал его братом, как льнул к нему за объятиями во время их романа, а теперь через слово цедит «господин Гу», дистанцируясь на тысячу ли — всё это невыносимо раздражало.

Видя, что тот молчит, Цзянь Сэнь попытался обойти его стороной, чтобы урвать пару минут на

сон в кабинете, но его запястье грубо перехватили.

Зал заседаний уже опустел. Гу Яньхэ нащёлкнул замок на двери и со злостью швырнул его на стол для совещаний.

Инстинктивно прикрыв руками живот, Цзянь Сэнь метнул на него леденящий взгляд.

В звуконепроницаемом помещении топ-менеджмента никто не мог услышать, что творилось за закрытой дверью.

Засучив рукава, Гу Яньхэ неторопливо приблизился, ухватил его за подбородок и процедил сквозь зубы:

— Цзянь Сэнь, ты точно хочешь, чтобы видео того, как ты умолял меня переспать с тобой, утекло в сеть?

Запись была сделана в день рождения Цзянь Сэня, когда Гу Яньхэ напоил его допьяна в период их отношений.

Одно воспоминание об этом вызывало тошноту: — Гу Яньхэ, какая же ты мразь!

— А ты лучше? — в глазах Гу Яньхэ мелькнула жестокость. — Карьеру выстраиваешь через постель, бесстыдно цепляешься за моего сына — разве ты не мразь?

Цзянь Сэнь лишь хмыкнул.

Гу Яньхэ во всей красе: для него все кругом мерились по себе.

Сам творит мерзости и не видит собственных берегов, перекладывая вину на других и глядя на всех свысока.

Наклонившись к самому его уху, Гу Яньхэ прошептал:

— Ты прекрасно знаешь, что будет, если это видео увидят. Интересно, как на тебя после этого посмотрят в компании?

Холодно усмехнувшись, Цзянь Сэнь мысленно пересчитал все подобные угрозы, что ему довелось выслушать — да этот Гу Яньхэ по сравнению с ними просто нуль.

Перехватив запястье Гу Яньхэ и слегка надавив, он с усмешкой произнёс:

— Господин Гу, вместо того чтобы переживать за меня, побеспокойтесь бы о собственном положении.

Тот запнулся и нахмурился.

Выждав момент, пока противник потеряет бдительность, Цзянь Сэнь резко выбросил вперёд колено, целясь точно в пах.

Оглушительный вопль эхом разнёсся по просторному залу заседаний, прозвучав зловеще и пугающе.

Свернувшись калачиком, Гу Яньхэ рухнул на пол, зажав промежность руками — судя по всему, подняться в ближайшее время он был не в силах.

<http://bllate.org/book/20421/2039810>